

Глава 1

Сильвестр стоял у окна своей утренней столовой, опершись обеими руками о подоконник, и любовался окрестным пейзажем. Правда, отсюда, с восточной оконечности Чанса, не были видны декоративные фонтаны, зато однообразие холмистой лужайки, которую все лето обхаживали косари, нарушал кедр, а чуть дальше в холодном воздухе мерцали стволы буков, словно часовые, охранявшие нерушимый покой леса Хоум-Вуд. Лес по-прежнему манил к себе Сильвестра, но уже не так, как раньше, когда за каждым кустом будто скрывался дракон, а по лесным дорожкам неслись вскачь ряженные рыцари. Они с Гарри, его братом-близнецом, сразили всех драконов и наголову разбили рыцарей. Теперь их больше не осталось, да и сам Гарри был мертв вот уже почти четыре года. Впрочем, фазаны никуда не делись, и Сильвестр с превеликим удовольствием поохотился бы на них, но сильные морозы сковали землю до каменной твердости, на целых два дня лишив его такой возможности. Порывистый северный ветер тоже не внушал оптимизма, заставляя даже самых завзятых охотников отложить забаву на будущее. По-прежнему было очень холодно, однако ветер стих и в небе засияло солнце, но, к несчастью, именно сегодняшний день, а не какой-нибудь из тех ненастных, что предшествовали ему, Сильвестр решил посвятить делам. Разумеется, он вполне мог передумать и распорядиться, чтобы дворецкий передал всем тем, кто ожидал соизволения его светлости, что он примет их на следующий день. Его старший агент

и поверенный приехали к нему из самого Лондона, однако Сильвестру и в голову не приходило, что у них может возникнуть повод для недовольства, если он заставит их томиться в ожидании. Они являлись его служащими, и других забот, кроме как угождать хозяину, у них не было; они отнеслись бы к тому, что он изменил свои намерения, словно к капризу, которого только и следовало ожидать от знатного и состоятельного господина.

Однако Сильвестр вовсе не был капризным и не имел намерений становиться таковым. Капризность портила слуг, а там, где речь шла об управлении огромными поместьями, и сами слуги, и то, как они исполняли свои обязанности, должно было оставаться безупречным. Молодому человеку только что исполнилось двадцать семь, но колоссальное состояние он унаследовал еще в девятнадцать, поэтому, несмотря на все безрассудства и нелепые выходки, которые с тех пор совершил, герцог по-прежнему относился к своему имуществу отнюдь не как к забавной игрушке и не помышлял даже пренебрегать малейшими из своих обязательств. Он был рожден, чтобы занять высокое положение, воспитывался так, дабы не посрамить долгой череды славных предков, и не ставил под сомнение ни свое право требовать беспрекословного повиновения от тех, чьи имена были вписаны в его ошеломляюще длинную платежную ведомость, ни полную невозможность увильнуть от обязанностей, возложенных на его плечи. Если бы его спросили, получает ли он удовольствие от собственного положения, он ответил бы, что никогда не задумывался над этим; но при том Сильвестр был бы очень недоволен, если бы вдруг лишился его.

Впрочем, задать подобный вопрос ему было некому. По общему мнению, молодой человек был невероятным счастливым человеком, которому повезло заполучить титул, состояние и элегантность. При его крещении не случилось присутствовать злой фее, что могла бы испортить ему судьбу, наградив его горбатой спиной или заячьей губой; будучи всего лишь среднего роста, он тем не менее мог похвастать прекрасным сложением, широкими плечами, стройными ногами и внешностью, при описании

которой эпитет «симпатичный» вовсе не казался нелепым преувеличением. У менее знатного человека его миндалевидные глаза с легким намеком на косой разрез под летящими черными бровями можно было бы счесть недостатком; герцога же Солфорда они лишь еще сильнее выделяли среди прочих. Те же, кто восхищался его матерью в лучшую ее пору, помнили, что и она отличалась тонкой линией бровей, приподнятых словно от удивления. Такое впечатление, что сам Создатель тонкой кистью нанес ему легкие очертания бровей, подведя их к самым вискам. Впрочем, если герцогине такая особенность придавала очарования, то Сильвестра делала несколько менее привлекательным. Стоило ему рассердиться, да еще и нахмуриться, как он начинал походить на грубоватого сатира.

Он уже собрался отвернуться от окна, когда его внимание привлекла фигурка мальчонки, удирающего со всех ног. Вынырнув из-под прикрытия живой изгороди ягодного тиса, по лужайке в сторону леса Хоум-Вуд во всю прыть неся мальчуган, смешно перебирая маленькими ножками в желто-бежевых нанковых штанишках. Из-под воротника его полупальто¹, поспешно натянутого поверх синей курточки неопытными и торопливыми ручонками, выбивалось кружевное жабо свежесглаженной сорочки.

Сильвестр, рассмеявшись, распахнул окно. Первым порывом герцога было пожелать Эдмунду успеха в его маленьком приключении, но, уже высунувшись наружу, он передумал. Хотя мальчик ни за что не остановился бы, заслышав голос своей нянечки или воспитателя, он непременно повиновался бы, окликни его дядя, но сейчас, когда Эдмунд столь ловко улизнул из-под их опеки, было бы недостойно мешать ему, учитывая, что цель, казалось, так близка. Задержать его под окном — значило подвергнуть опасности быть пойманным, а это непременно привело бы к очередной сцене, что обычно несказанно

---

¹ Полупальто — здесь: короткое пальто с кашпоном и деревянными пуговицами в виде палочек, на петлях из шнура. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

утомляло Сильвестра. Эдмунд примется умолять позволить ему скрыться в лесу, и вне зависимости от того, даст ему дядя разрешение или нет, овдовевшая невестка все равно станет упрекать именно Сильвестра. Его или обвинят в том, что он относится к бедному Эдмунду с брутальной суровостью, или же ему поставят в вину бессердечность к благополучию мальчика. Ведь леди Генри Рейн так и не простила Сильвестру того, что он якобы убедил своего брата (так, во всяком случае, она утверждала) сделать себя единственным опекуном Эдмунда. Бесполезно было доказывать леди Генри — завещание Гарри составлено в связи с бракосочетанием и лишь для того, чтобы в случае трагического несчастья, в возможность которого не верил никто, и меньше всех — сам Гарри, любой отпрыск этого союза оказался бы в безопасности под опекой главы дома. Сколь бы глупой ни считал невестку Сильвестр, сама она полагала, что достаточно опытна и повидала жизнь, чтобы воображать, будто его адвокат осмелился бы внести настолько бесчестную оговорку по собственному разумению, а не по его прямому указанию. Сильвестр, в душе которого еще не зажила горечь утраты Гарри, не выдержал и однажды заявил:

— Если ты воображаешь, будто я стремился к тому, чтобы мальчишку повесили мне на шею, то ты еще глупее, чем я подзревал!

Герцогу пришлось пожалеть о столь поспешных словах, потому что, хотя он тут же взял их назад, ему никогда не позволяли забыть о них; и сегодня, стоило вопросу об опеке над Эдмундом приобрести особую важность, как они превратились в краеугольный камень всех аргументов леди Генри.

— Он никогда не был тебе нужен, — напоминала его светлости женщина. — Ты сам говорил об этом.

Отчасти она была права: разумеется, двухлетний малыш интересовал его исключительно в качестве сына Гарри, и он обращал на него внимание не более, чем этого можно было ожидать от молодого человека. Но, по мере того как Эдмунд подрастал, Сильвестр начал все чаще видаться с ним, поскольку малыш взял себе за правило не отходить от него ни на шаг,

стоило его блистательному дяде оказаться в Чансе. Эдмунд обнаружил, что герцог обладает качествами, коих решительно недоставало как Баттон, нянечке малыша, а также тем, кто нянчил его отца и дядю до нее, так и маме. Его светлость не выказывал склонности сюсюкать и бездумно ласкать ребенка; порванная одежда не приводила его в ужас; разговоры, которые он вел с Эдмундом, были исключительно деловыми и краткими. И хотя Сильвестр мог, пребывая в дурном расположении духа, попросту отмахнуться от племянника, всегда существовала возможность, что он посадит его перед собой на седло и прокатит легким галопом по парку. Правда, эти достоинства сопровождалась куда менее приятными, но столь же богоподобными чертами характера — герцог требовал беспрекословного повиновения и сурово карал строптивцев.

Сильвестр решил, что Ианта и Баттон делают все от них зависящее, дабы избаловать Эдмунда, но, хотя сам дядя без колебаний давал понять этому смышленому юному джентльмену, что фокусы, приносящие тому успех в детской, с ним не пройдут, он редко вмешивался в процесс воспитания племянника. Сильвестр не видел в Эдмунде особых недостатков или дурных наклонностей, которые нельзя было бы исправить, когда он подрастет; и к тому времени, как малышу исполнилось шесть, герцог уже успел полюбить его словно родного сына.

Между тем Эдмунд скрылся из глаз. Сильвестр опустил створку окна и вновь подумал о том, что следовало бы нанять племяннику наставника куда подвижнее и жизнерадостнее, нежели преподобный Лофтус Лейберн, клирик почтенного возраста и хрупкого здоровья, занимавший почетную должность духовника его самого — или, точнее, его матери. Впрочем, хотя герцог с неодобрением отнесся к тому, что Ианта уговорила мистера Лофтуса преподавать Эдмунду его первые уроки, его светлость не счел этот вопрос настолько важным, чтобы вмешиваться и накладывать на него вето. И вот теперь она жаловалась, будто Эдмунд без конца пропадает на конюшне, где уже нахватался совершенно неподобающих словечек